

О ДАТИРОВКЕ ТИГРАНАКЕРТСКОЙ НАДПИСИ

Л. А. ЕЛЬНИЦКИЙ (Москва)

Несмотря на то, что весьма отрывочный текст греческой надписи из Тигранакерта (позднейший Фаркин), опубликованной впервые в 1908 г. К. Ф. Леман-Гауптом¹, не позволяет добиться сколько-нибудь связного ее прочтения, несомненно, что в ней идет речь о каких-то значительных событиях древнеармянской истории. Это тем более увеличивает интерес к выяснению даты надписи: отнесение ее к определенному времени облегчило бы, вероятно, также и более правильное понимание ее содержания.

Леман-Гаупт, основываясь на палеографических и историко-грамматических соображениях, отнес надпись ко второй половине IV столетия н. э. и связал с деятельностью армянского царя Папа, от имени которого, она, по его мнению, была адресована к народу, в чьих бедствиях надпись обвиняет царских сатрапов (нахараров). Против подобной даты вскоре выступил другой немецкий кавказовед — И. Маркварт². Он обратил внимание на то, что в надписи из Тигранакерта имеется обращение к богам во множественном числе, изобличающее автора надписи в приверженности к политеизму, что являлось, по его представлениям, в отношении царя Папа анахронизмом, в связи с чем он и предлагал датировать надпись второй половиной III столетия, когда Армения еще не была христианизирована.

В недавнее время датировку Маркварта всецело поддержал Г. Х. Саркисян, уделивший тигранакертской надписи большое внимание в своей работе по истории античной городской общины в Армении³. При этом в толковании текста надписи Г. Х. Саркисян оказался близок К. В. Тревер, пространно комментировавшей ее в том смысле, что якобы составивший ее армянский царь угрожает в ней репрессиями восставшему городскому населению Тигранакерта⁴. В связи с тем, что К. В. Тревер слова отрывка С тигранакертской надписи: ἀνέζη η πολιτεία υμων καὶ ἐπολεμαί... переводит «ваша община восстала и вела борьбу...», Г. Х. Саркисян понимает слово πολιτεία в смысле самоуправляющейся городской общины, что было бы, конечно, правильно для надписей классическо-

¹ C. F. Lenmann-Haupt, Armenien einst und jetzt. I, Berl., 1910, стр. 410 и сл.

² J. Marquart, Südarmenien und die Tigrisquellen. Wien, 1936, стр. 86 и сл.

³ Г. Х. Саркисян, К истории городской общины в Армении, ВДИ, 1955, № 3, стр. 48 и сл.

⁴ К. В. Тревер, Очерки истории культуры древней Армении, М.—Л., 1953, стр. 283 и сл.

го времени, происходящих из каких-либо древнегреческих центров, но весьма сомнительно для данного контекста, как, впрочем, для Армении той эпохи вообще. Гораздо естественнее, нам кажется, предположить, что в надписи, относящейся так или иначе к позднееримскому времени, слово πολιτεία может означать «город» лишь в чисто географическом смысле. Для тигранакертской надписи такое толкование подтверждается наличием выражения πολιτῶν εἰς Νέχο[αν], присутствующего в ее отрывке В, а возможность подобного употребления этого слова в поздние времена вообще подтверждается эпиграфическими и папирологическими параллелями¹. А если πολιτεία тигранакертской надписи не есть греческая полития, то и упомянутые в ней неоднократно οἱ ἀρχοὶ (правители) не должны быть нами, вместе с Г. Х. Саркисяном, поняты как городские магистраты, тем более, что и контексты, в которых это обозначение в ней встречается, ни в коей мере этого не допускают². Мы потому лишь останавливаемся на этих обстоятельствах, что они находятся в прямой связи с хронологическим определением тигранакертской надписи. Действительно, οἱ ἀρχοὶ представлены в надписи виновниками государственных бед и зачинщиками войны против царя на стороне персов, враждебные же дела их хорошо известны народу³, который в надписи именуется царскими рабами (πρὸς τοὺς δούλους τῶν εὐτραύαιον, С. 2). Объявляя о занятии опустевшей крепости (φρούριον ἔρημον) своим войском, царь говорит, что делает это затем, чтобы «кто-либо из владетелей (τῶν ἀρχῶν) снова не восстал и не начал войны против него»⁴. В особенности эта

¹ L. Mittels und U. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, I, Leipzig, 1912, 78, 6. (ср. F. Preisigke, Wörterbuch der Griech. Papyrusurkunden, II, Berlin, 1927, стр. 335, s. v. πολιτεία. См. также F. Papazoglou, Une signification tardive du mot πολιτεία. Revue des études grecque, XXII, 1959, № 339—343, стр. 100 и сл., где территориальное значение слова πολιτεία в поздних памятниках греческой эпиграфики выясняется из надписи эпохи императора Адриана, найденной в македонских Брагилах (Suppl. ep. grec., XII, 1955, № 349: τῶν πολιτῶν καὶ τῆ πολιτεία) и подтверждается надписью эпохи императора Гордиана III (238 г.) из Скаптопары во Фракии (W. Dittenberg, Ger. Syllogenscr. Grec., 2, Leipzig, 1915, № 288, строка 115 и сл.: τῆς πολιτείας τῆς ἡμετέρας τῶν πανταλιωτῶν πόλεως). Предложенное Папазоглу понимание слова πολιτεία в этих контекстах, как обозначение относящейся к городу территории, вполне приемлемо, с нашей точки зрения, и для тигранакертской надписи.

² Мысли, изложенные Г. Х. Саркисяном в его названной статье, повторены и развиты им в его же книге «Тигранакерт», 1960 (в особенности стр. 47 и сл., 75 и сл.). В своем понимании муниципального строя древнеармянских городов позднееримского времени автор опирается, помимо указанных выше соображений, основанных на тексте тигранакертской надписи, также на толковании надписи из Гарни (стр. 67 и сл.), где ο λιτονρχος разъясняется им как гражданское лицо — исполнитель публичных функций на свои средства. Следует лишь отметить, что подобное значение этого слова не засвидетельствовано какими-либо греческими текстами (в этом случае употреблялось ο λειτουργῶν). См. M. A. Bailly, Dictionnaire grec-français, 1903, стр. 117к, s. v. λειτουργος. К тому же ср. ВДН, 1958, № 1, стр. 146 и сл.

³ [τὸν πόλεμον] οὐκ ἐσχάνεχ τῶν ἀρχ[ῶν] ω[ς] ἐγενετο ὑμεῖς οἶδατε (Б, 4) ὅ[σα] κα[ὶ] αὐτ[ὸ]ι [ὑμεῖς] παρκατε[τε] [μ]όνους τοὺς ποιησαντας τα ποιαυτα γε[γ]ινωσκετε (С, 6).

⁴ η μερ[ος] τι αὐθις ἐπαναστῆ[ν] και πολεμησῆ[ν] τῶν ἀρχῶν πρὸς τῆμας (С, 6).

последняя фраза исключает возможность истолкования *οἱ ἀρχοὶ* в качестве городских властей или магистратов. Несомненно, что речь идет о неких владетелях, действующих отнюдь не корпоративно, как это было бы свойственно городским властям, а сепаратно и самостийно. С точки зрения хронологической, подобных владетелей гораздо легче представить себе в качестве древнеармянских нахараров, именно в IV столетии нередко оказывавшихся на стороне Сасанидов против своих собственных царей, как это весьма подробно и картинно описано у Фавста Бузанда и Аммиана Марцеллина. В частности, из Фавста (IV, 50) известно об отпадении при отце царя Папа Аршаке II и переходе на сторону Шапора блешха Алдзника — области, в которой был расположен Тигранакерт, вероятно являвшийся главной ее военной твердыней. Этот факт в особенности напрашивается на сопоставление со словами отрывка С тигранакертской надписи, в которых высказываются угрозы тем из вассалов, по чьей вине «отложился ваш город и воевал вместе с персами против моего отца»¹.

Палеографические данные и прежде всего необычайное обилие лигатур, написание *α, ε, φ*, слитное написание дифтонга *ω* заставляют отнести тигранакертскую надпись не ранее чем ко второй половине IV столетия н. э. В полемике с Марквартом по поводу даты надписи Леман-Гаупт говорит, что на основании сходства написания *λ* и *δ* он склонен был бы отнести надпись скорее к V столетию н. э., чем допустить возможность для нее какой-либо более ранней даты, чем вторая половина IV столетия.

Как бы ни толковать содержание тигранакертской надписи, необходимо признать, что она адресуется к армянскому народу и касается сугубо внутренних дел, будучи в то же время изложена по-гречески, т. е. что она несомненно относится к периоду до возникновения армянской письменности. В то же время содержание ее отображает такой момент армянской истории, когда политика ее царей заключалась в лавировании между Византией и Сасанидами, а это опять-таки более всего характерно именно для средних десятилетий IV столетия н. э.²

Обстоятельства, побудившие И. Маркварта и Г. Х. Саркисяна принять для тигранакертской надписи более раннюю дату, сводятся к наличию в ее тексте наименования «богом» персидского царя, упоминания о «предвидении богов» (*προνοία τῶν θεῶν*) и упоминания *Τουτὶ τιμαστέρη*.

Все это представлялось Маркварту несовместимым с тем фактом, что Армения с начала IV столетия стала христианской страной. Между тем известно, что в Римской империи первые христианские императоры Константин и Констанций сохраняли, из политических соображений, некоторые древние культы, в частности культ богини победы и императорский культ. Римский гражданский календарь Фурия Дионисия Филокала, из-

¹ *ἀνέστ. η πολιτεία ὑμῶν καὶ ἐπολέμαί μετὰ τῶν Περσῶν πρὸς τὸν πατέρα μου.*

² См. A. Solari, *Il non intervento nel conflitto tra la Persia e Valente*, *Klio*, XXIII, 1933, стр. 116 и сл.

данный в 354 г. с благословения римского епископа¹, также свидетельствует о том, что античная обрядность удерживалась в римском быту еще достаточно прочно. Известно также, что десятилетием позже, в годы царствования императора Юлиана, приверженцы античной религиозности, в особенности в восточных провинциях, весьма резко выступили против христианства, вплоть до эксцессов, имевших место в Александрии, в Геліополисе и некоторых других пунктах Сирии². В этих эксцессах приняли участие низшие слои населения, выступавшие против христианской церкви, как экономически угнетающей силы, активно проявившей себя в процессе начавшейся феодализации империи. О том, что подобное же сопротивление христианская церковь встретила в IV столетии в Армении и Грузии, свидетельствуют сообщения Фавста Бузанда и Моисея Хоренского. Для Армении это в особенности характерно во времена царствования Аршака II и его сына Папа, при этом годы царствования последнего как раз совпадают с временем обострения антихристианской реакции в Римской империи.

Опять же, если еще недавно подобная нехристианская надпись представлялась применительно ко второй половине IV столетия достаточно редким явлением на территории империи, то теперь, и именно на Кавказе, а также в области, непосредственно с ним соседней (Озроэна), мы можем указать еще два эпитафических памятника, имеющих явно нехристианские черты. Один из них — надпись, найденная в 1953 г. при раскопках римской виллы у Султан-тепе, с посвящением Пафосской Афродите, нимфам и харитам, датируемая ее издателем именно годами царствования императора Юлиана³, а другой — надпись на глиняном светильнике из Сухуми, найденном при раскопках 1954 г. и опубликованном в 1957 г. Надпись эта является призывом к поклонению Гермесу-Меркурию, т. е. тому Гермесу Трисмегисту (судя по формуле надписи, близкой к текстам известных нубийских вотивов этому богу), который был одним из популярнейших греко-римских божеств, соперничавших с христианством. Ему весьма рьяно поклонялся именно сам император Юлиан. И палеографические и стратиграфические данные позволяют отнести эту надпись также к IV столетию н. э.

Знай Маркварт об этих надписях, вряд ли он мог бы говорить столь решительно о нехристианской надписи из Тигранакерта как об исторически несообразной, применительно к обстоятельствам середины IV столетия. К тому же, если наименование Шапора «богом» (*ὁ θεός*) входившее в его официальную титулатуру, могло быть актом политической вежли-

¹ Th. Mommsen, Über den Chronographen vom Jahre 354. Gesammelte Schriften, VII, Berl., 1909, стр. 536 и сл.

² Amm. Marcell., XXVII, 5, 2; ср. H. Lietzmann, Geschichte der alten Kirche, III, Berl., 1953, стр. 267.

³ M. R. E. Gough, A Bath Inscription from Osrhoene. Journal of Hellenic Studies, LXXIV, 1954, стр. 179 и сл.

⁴ Т. С. Каучишвили, Греческая надпись на сухумском светильнике, Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории, XXVIII, 1957, стр. 227 и сл.

восте со стороны автора тигранакертской надписи, то упоминание о Τύχη 'τιμειτέρα должно лишь свидетельствовать о цепкости представленной о «царской Тихе» (Τύχη βασιλεία), культ которой с очень древних времен был весьма популярен у отпрысков династии Ахеменидов и других царских домов, находившихся под иранским влиянием.

К сожалению, тигранакертская надпись настолько сильно фрагментирована, что чтение ее не позволяет утверждать с точностью, насколько удачно Леман-Гаупт приурочил ее к царствованию именно царя Пага. Но можно как будто бы говорить совершенно определенно, что и с палеографическо-грамматической стороны и со стороны ее содержания она более всего подходит к средним десятилетиям IV столетия, как памятник, подтверждающий сведения других источников о борьбе армянских царей этого времени с нахарарами и раннецерковными феодалами за укрепление своей власти, ради сохранения независимости которой они вели весьма сложную политику нейтралитета между Константинополем и Персией. И если строки древних писателей, сообщающих об этих событиях, отражают в себе те или иные сторонние политические тенденции, то тигранакертская надпись свидетельствует обо всем этом с яркостью и непреложностью подлинного исторического документа.

ՏԻԳՐԱՆԱԿԵՐՏԻ ՀՈՒՆԱՐԵՆ ԱՐՁԱՆԱԳՐՈՒԹՅԱՆ
ԺԱՄԱՆԱԿԱՇՐՋԱՆԻ ՄԱՍԻՆ

Լ. Ա. ԵՂԵՅԿԻ (ՄՈՍԿՎԱ)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Հոգվածը նվիրված է Տիգրանակերտի հունարեն արձանագրության առավել հավանական ժամանակաշրջանի ճշգրտմանը: Հիմնականում համամիտ լինելով արձանագրության առաջին հրատարակիչ Կ. Ֆ. Լևման-Հաուպտի կարծիքին, մենք միաժամանակ բերում ենք նոր փաստեր, որով ավելի հավանական է դառնում, որ արձանագրությունը պատկանում է մ. թ. IV դ. երկրորդ կեսին: Հարցի այսպիսի լուծումը թույլ է տալիս փիճարկել Բ. Ս. Սարգսյանի կարծիքը, որը, հետևելով Բ. Մարկվարտին, փորձում է շիշլայ արձանագրությունը վերագրել հայերի զոդսից քրիստոնեության պաշտոնական ընդունմանը նախորդող ժամանակաշրջանին՝ մ. թ. III դ. վերջերին, (տե՛ս նրա «К истории городской общины в Армении» հոգվածը, «Вестник древней истории», 1955, № 3, էջ 48 և հետ., ինչպես նաև «Тигранакерт» գիրքը, Մոսկվա, 1960):

Հոգվածում փարձ է արվում բացատրելու նաև արձանագրության մեջ բերված η πολιτεια և οι αρχαι տերմինները: Դարձում ենք, որ դրանից առաջինը արձանագրության մեջ պորձածված է լուրջ աշխարհագրական իմաստով, այդ բանը հաստատելու համար հոգվածում բերվում են հստակական ժամանակաշրջանին վերաբերող հունական մի քանի ուրիշ արձանագրություններ: Երկրորդ անբմիճը, մեր կարծիքով, տնեցիկ է «իշխան-նախարար» իմաստը: